INDIPENDENTE
TIBET
Cobi
Maratti
Ceilan
DELLE INDIE
Amsterdam
S. Paul
Gennaro 1777
di Kerguelen
CINA
Kanton
I. Formosa
Luzon
FILIPPINE
ISOLE
Mindanao
BORNEO
Sanguin
Marabe
Giolo
Timor
Terra di Wit
Terra di Diemen
NUOVA
Terra della Concordia
T. di Nuyts
T. de Leoni
S. Francesco
Marzo 1772
I. S. Paul
I. S. Diomede
LAMA
I. Sahalien
I. Kurili
I. di Yeso
I. DEL GIAPPONE
Rica de Plata
Rica d'Oro
Tres Colunas
Sebastian Lopez
Vulcane
Urac
Lamira
Diserta
I. Mariane
S. Bartelemes
I. Caroline
Ulet
Hogoleu
Lagurfan
Scheug
Foup
Palaes
Senrol
Waigeu
Nuova Guinea
Nuova Galles Meridionale
Nuova Irlanda
Nuova Brettagna
Carpentaria
I. York
Carteret
C. Bedford
T. dello Spirito
I. Cumberland
C. Capricorno
OLANDA
C. di Sabbia
C. Morton
C. Solitarie
C. S. Giorgio
C. Howe
T. di Diemen
C. Sud
I. Tasman

Елена Сунцова

Лето, полное дирижаблей

Нью-Йорк
2010

* * *

Остановись и посмотри на солнцеклёш,
в ослабевающем движении вдохнёшь
такое новое слепое торжество,
там, кроме облака, и нету ничего.

Так только летом только в городе чужом
стеклянный воздух сшит небьющимся ножом,
остолбеневшие зеркальные тела,
ей это снится или вправду умерла.

* * *

Сердце тонет и дрожит,
и, горючее, горячей
на поверхности лежит
плёнкой палевой незрячей,

как желток в сыром белке,
гоголь-голубь в горле бьётся,
задыхается в реке,
закатившись, сердце-солнце.

* * *

Уменьшается ландшафт,
как сдувающийся шар
вмиг становится тряпьём,
а любил – летал на нём.

Но при этом ветерке
оживает в кулаке,
словно бабочка, июнь,
ты не видишь? Дунь.

* * *

Брови коромыслицем,
на его погас лице
уголёк бессмыслицы,
пролитое маслице.

Ничего, горошина,
ты ему не сделаешь,
злого ли, хорошего,
остановишь тело лишь.

* * *

С голубого в голубой
океан, живой, как боль,
каплет, каплет серый йод
в горе первое твоё.

И, пока спиной стоишь,
плачет пойманная мышь
или бабочка – сачком –
в мареве ночном.

* * *

В темноте огромной печи
вяжут рукавички
дни короткие, как свечи,
ломкие, как спички.

Освещает чрево ночи
белый понедельник,
шар небесный, дом непрочный,
опустевший эллинг.

* * *

Кот, тоскующий в мешке,
как душа на поводке –
вот во сне увидел крыс,
нить худую перегрыз,

воздух лапами обнял,
мешковину-шкуру снял,
ну плясать и ну рыдать:
крыс без шкуры не поймать.

* * *

Крым-трава запомнит лето
в продырявленном плаще,
скошен краешек пинцета
в проливном вдали дожде.

Там, браслетами морщинок
опоясана, рука
стебли вынула кувшинок,
ежевику и жука.

* * *

Боль, что склеивает быт,
покачнулась и стоит,
окунулась и молчит,
как июнь, что пережит.

Остужает пальцы льдом,
только б не вернуться в дом,
плакать сереньким клубком,
что развеялась дымком.

* * *

Самолёт летал, мигал,
в рыжем зареве пропал,
посмотри, какой закат,
что же ты отводишь взгляд,

белоокая луна,
где луна – да вот она,
вот осталась однобокой,
в небе одинокой.

* * *

Не перечти – переключи,
очухайся прыжком на льдину,
разорванную пуповину
счастливым шагом утончи.

А если сунешься в окно,
то ночь близка и пахнет садом,
любимым первозданным адом –
всё в дырах рая полотно.

* * *

Смерти тоже нужен дом,
с крышей, полом и хвостом
дыма – видеть из окна,
как сбывается весна.

И как стаи облаков
стали белым потолком,
откусившим у луны
рыжую макушку хны.

* * *

Город светится навстречу
угловатым камнем
в рек серебряном колечке,
вот уже и Гарлем.

Ветер треплет полотенца,
льёт песчинки в уши,
наспех выжатое сердце
на балконе сушит.

В море бьётся ровно, ровным
зрением покоя
незаметный и огромный
маятник прибоя.

* * *

Ветер деревья в саду согнёт,
двери сорвёт с петель,
дом опрокинет, как клетку кот.
Я не боюсь потерь,

обморожения и огня,
голода, боли, бурь –
прочь от меня, из живой меня
выживи, помни, будь.

* * *

Ночью, днём, в пылу, в миру,
крепким пенящимся хрум,
выкатившимся в траву,
одному быть, одному.

Пусть прохожие стоят,
как ноябрь и – ноябрь
их сжимает в кулаке –
прутья в венике.

* * *

До когда-то, сквозь когда-то,
до смертей, до алфавита,
ты, проделанная дата,
в небе пойманном зарыта.

П*о*лой косточкой гремящей,
кратной дереву и точным
воплощением несчастья,
счастья облаком подстрочным.

* * *

Через слабые очки
мост, как белый поясок,
в треугольнике реки
влажным деревом намок.

Рыжих сосен городских
иглы высекли асфальт,
на качелях за двоих
дождь качается впотьмах.

Тени крон в себя вберут
из открытых люков пар,
радугу уберегут,
выцветший её пожар.

* * *

Душа расправилась, проснулась,
к весенней ветке наклонилась,
цветущим воздухом надулась
и дирижаблем округлилась.

Пойдём, сиреневого счастья
себе, как хлеба, наломаем,
и боль окажется пустячной,
душа цветком и горе раем.

* * *

В клешнёй сомкнувшемся нигде,
пустеющем внадсад,
по серой дымчатой воде
уходит яхта в сад.

В петлю-излучину реки,
и, если потереть,
проступят нити-волоски,
похожие на медь.

* * *

Завив спиралью кожуру,
сияющий гарнир
родится в падающий мир,
в котором я умру.

Со мной в саду поговорят,
покажут, как дела,
и яд дадут, который я
при жизни не нашла.

* * *

Что душа течёт внутри,
никому не говори,
ляг на розовый живот,
подыши в горячий рот:

наяву, да и в земле,
в перегное и золе,
жизни старая парча
не коснулась и плеча.

* * *

С корнем выворочена,
от судьбы вылечена,
там, на крови и вине,
ты найдёшься мне,

натыкаясь наобум
на ничью-то петербу
о распластанной земле,
как ладонь на хлеб.

* * *

Из ему раскрытых рук –
поражение, победа,
спиц вращающийся круг,
перезвон велосипеда.

Как душа с отбитым краем,
жизнь покатится вторая
полусдутым колесом,
по траве наискосок.

* * *

Уйти не премини,
с закрытыми глазами
билетик свой тяни –
вокзал, а не экзамен, –
платком себе махни.

И свет в моём окне –
в любое время года,
в июне, декабре:
стал вечен, как природа,
как золото на дне.

* * *

Неосторожные шипы
у опрокинутого пня
так неуклюжи и слепы,
что могут выколоть меня

из верной памяти твоей,
но из обманывавших губ,
улыбки ветреной темней,
уже не вырвется испуг –

и тени дерева качнёт
в необжитом ещё лесу
простая клятва: ну и вот,
и это я перенесу.

* * *

Вот дверь, которая запрёт
былые семь дверей.
Каким бы ни был твой расчёт,
не прикасайся к ней.

Смотри, как сдерживает сад
движения ветвей,
они поют, они шуршат,
а он молчит за ней.

* * *

Судьба приходит не затем,
чтоб взять или отдать.
В спокойной гречневой воде
судёнышки считать.

Ау открывшемуся рту,
смотри, в каком аду
я жду-пожду, за что почту,
ату его, ату.

* * *

Поцелуем двугорбатым,
в нём не виноватым
самолётиком крылатым
вот и обняла ты.

И чирикает на той же
веточке потоньше,
скажешь, ей досталось больше?
Нет, и ей – глоточек.

* * *

Что еще можно спасти, спасай:
пару весенних дней,
это окно, за которым сад,
небо и соловей.

Что не сумеешь забрать с собой,
выкупишь, как долги.
В этом саду серебро зарой,
перекрестись. Беги.

* * *

В остекленении огней
соседнего материка
живи и наново пьяней,
цвети, последняя строка.

Реке буксир наморщит лоб,
и ты уже не вспомнишь, где
светился свай тяжёлый сноп
в зарубцевавшейся воде.

* * *

Посмотри, какой похожий
трёхэтажный дом,
те же трещины на коже,
но другим огнём

золотится и сгорает
голубой закат,
в арки голуби влетают,
на лепнине спят,

незнакомое дыханье
обостряет нюх,
накрывает ветра тканью
Третью авеню.

* * *

Ярко-розовый шарик в блёстках
ходит солнцем в моём окне,
занавеска тугая гнётся,
открывая внизу, на дне,

обречённое пианино
(деревянная нота сна,
клавиш меньшая половина –
жизни б*о*льшая сторона).

* * *

Покуда мир, как рот, открыт,
он шкуру будет греть,
и жизнь двугорбая сгорит,
не может не сгореть.

И кто её успеет спрясть
судьбы веретеном,
уснёт накормленный, светясь
верблюжьим тёплым сном.

* * *

Пойман сеткой сквозняка,
лепесток от мотылька
на лету неотличим,
словно ожил фильм.

Словно в воздух поднялось
племя диких роз,
можно крылья обмануть,
на ладонь подуть.

* * *

Включили музыку. Урча,
заклокотал магнитофон,
как источает пар и чад
изнемогающий бульон,

и добродетельный сосед
пусть добродетельный, а враг,
на подоконнике персен,
а в сердце вздрагивает страх,

и если жалко умирать,
то потому, что тишина
не останавливает страсть,
как музыку его жена.

* * *

Над рекой стоит озон,
мимо бледной пуповины
перевозят тени крон
лакированные спины,

добавляет ливень слой
к извержению фонтана,
дирижабль над головой
дышит лёгкими метана,

город тонет, город пьёт,
по усам вода стекает
в каменный закрытый рот
с обнажёнными клыками.

* * *

Туча, зёрнышком попкорна
разбухая добела,
скоро вытолкнет флаконы
закалённого стекла.

Сад державинский и зрячий
гром накроет колпаком,
в нём зарытый рыбий хрящик
будет съеден червяком.

Так доверчивая рыба
возвращается в струю
днём промозглым и дождливым,
давшим жизнь червю.

* * *

Ты здесь была, и пусть асфальт
без разрешенья розовеет,
и наполняет светом смальт
трепещущий апреля веер,

какая б ни прошла весна,
упорный пепел виться будет,
и в трещин молниях стена
его вдохнёт и не остудит,

и шумных ливней подождут
дворы-сады домов московских,
и слёзы старые уйдут
в изгибы жадных улиц скользких,

и, оглянувшаяся, слышь
зов умолкающий, поющий,
и стены белые простишь,
и новых дворников полюбишь.

* * *

В затылок дышит май,
при свете фонарей
с руки её снимай
и кольца, и браслет.

Я помню и молчу,
что помнить не хочу,
и кровью говорю,
и трогаю твою.

* * *

Скоро, скоро рассветёт,
и совсем не будет страшно,
по реке уже плывёт
перевёрнутая баржа,

дверь закроется впотьмах,
шкаф знакомо побелеет
и наручники рубах,
только кровь внутри алеет.

* * *

Город без трамваев
алыми домами
зацветает, будто
в них заходит утро

лёгкими шагами,
и ныряет в камень
ненадолго, на ночь,
высоко, не навзничь.

* * *

В клубе «Третья Римма»,
выпивая пиво,
барышня курила,
тоненькая ива.

Мимо бара «Каспий»
в ресторан «Советский»
ехала догнаться,
вздрагивало сердце.

Это где Обухов-
ская Оборона,
здесь Нева со вкусом
моря для народа.

В море окунулась,
и, сойдя на берег,
вовремя очнулась
в верхней из Америк.

Что же, полюбила
покупать в аптеке
не такое пиво,
как на дискотеке.

А потом устала
от постмодернизма,
очевидна стала
скоротечность жизни.

И лежит спросонок,
словно на ладони
розовый котёнок,
вспоминает море.

* * *

Из такого дня,
за которым я,
набери угля
и сотри меня.

Словно дирижабль
кожицей холста,
полая душа,
телом обрастай.

Ты бери моё,
я возьму твоё,
помни забытьё,
полузабытьё.

* * *

Кем бы снова побывать,
белым деревом родиться,
невесомую водицу
времени переплывать,
уцелевшей голубицей
в Петрограде зимовать,
украшающей кровать
медной шишечкой светиться.

* * *

Под шум, дрожание, под шубу
дождя, тому равно тулупу
под неба заячьей губой,
ты, жалюзи подняв повыше,
туманом серым не надышишься
и не укроешься рябой
неостывающей завесой,
стоящей в воздухе древесном
сырым огнём перед тобой.

* * *

Смотри, деревья расцвели,
из скрывшейся земли,
как обещание зари,
фонтаны бьют, смотри,

и сквозь волшебную труху,
скорлупку, шелуху
проглядывает серый пух
на шёлковом меху,

и почки вербы, что следы,
спокойны и светлы,
на ветке срезанной судьбы,
на негативе тьмы.

* * *

Тени воздуху не впрок,
воздух новый, зелень та же,
в остывающем пейзаже
неотвеченный урок:

эта яблоня цветёт
и тогда, когда не любят,
чтобы яблоком в июле
обнажить кровоподтёк.

* * *

По твёрдой улице ночной
с пересечением сплошной
автомобиль домой летит,
и дом построенный открыт –

левосторонняя душа
летит навстречу, ни на шаг
не отступая от тюрьмы
окаменелой головы.

* * *

Ночным вином закат
свеченье проливает,
и очи звёзд горят,
в реке ночной мерцают,

и если ты сама
волнуешься немного,
тебе уже мала
знакомая дорога,

и почки, как плоды
тяжелые, тугие,
окутывает дым
непрожитого ими.

* * *

Ещё, ещё, ещё, ещё.
И ты из чрева выпадаешь,
и если ты берёшь плечо,
чьё, ты не знаешь.

Смешенье, и наполняка
плывёшь и дышишь.
И чья тебя берёт рука,
ты не расслышишь.

Что «не расслышишь», ты, легка,
и не поверишь.
Жизнь коротка, долга, тонка.
Смотри, о ней лишь

любая боль, любое «нет,
мне всё, спасибо».
Теки же кистью по канве,
душа-хасидка.

* * *

Ему холодная страна
протягивает сна
ладони, ими рождена
для пения сполна.

И их царапает, шуршит
морщинистый самшит.
И кто тебя обворожит,
в чужой земле лежит.

Огонь, рябой, перед тобой,
как тысячи рублей,
легко, назло, наперебой,
желтее и наглей.

Толкни же маятника медь,
позволь окаменеть,
как – согрешил – переболеть,
узнать горенье впредь.

* * *

День, как драгоценная находка,
как кристалл, сияющая глыба,
радости забытая походка,
пойманная будущего рыба,

золото накопленное тратишь
на окаменелое: веранда,
сорванным плодом алеет мячик,
панцирь прячет тёмный жар каштана…

Так таит придуманное память,
так у наших ног уходит в море
замшевая пасмурная свая,
вымокшее дерево глухое.

* * *

Где город мартовский живёт,
где голодает и ночует,
с кем пьёт последний ломкий лёд,
кого нагретой шкурой чует,
к кому усталым боком льнёт –
что, если город будет холод,
кто, твёрдым обручем окован,
перо летучее подымет
и к сердцу, серое, прижмёт,
и из него иголку вынет
заржавленную, и качнёт.

* * *

Холоднее и слабее
ветром высушенных губ,
розовее и пьянее,
мчится воздух наверху.

В тёмном донышке истлела
прошлогодняя вода,
горьковатой карамели
тянет пригоршни сюда.

Знать бы с самого начала
в огороженном саду,
что до этого причала
по земле его дойду.

* * *

И ты не доживаешь
до Берингова дня,
его переплываешь,
и вот уже земля.

На это дно положишь –
бай-баюшки-баю –
шагреневую кожу,
чужую и свою.

Хрустят по льду подошвы
меж каменных корней.
Подольше, о, подольше.
Скорей, скорей, скорей.

Невидимому солнцу,
укрытому рукой,
бы дождику, морозцу,
хоть слякоти какой.

От банного огарка
извилисты, густы,
ложатся тени парка
на тени высоты.

Там будет сердце биться
затравленным зверком,
наклонит шею птица
над водяным цветком.

Печальнее и *уже*
нет горлышка, и свет,
слепой и неуклюжий,
карабкается вверх.

Как будто распустили
и занавесь, и бязь,
и он течёт – вполсилы,
оглядываясь, длясь.

* * *

Тени падающих век
сада зимнего пустого –
чёрный ультрафиолет,
острый, как бывает слово,

и торопятся слова,
успевая за пластинкой,
не проходит голова,
выздоравливают льдинки.

* * *

Капле, падающей вниз,
шепчет вслед зелёный лист:
– С ней последняя мечта,
ведь душа осталась та,
ведь душа осталась в том
диске, тоже золотом,
ведь душа осталась тем,
что не видит крыш и стен,
видит сны, берёт тела,
как моё теперь взяла,
чтобы помнить о любви,
мир-батут, её лови,
пусть она вернётся мне,
в небо, небо, небо, не
как из пения птенцы, –
как из крови гиацинт.

* * *

Посуду убрала
и форточку открыла.
В реке ещё жила
доеденная рыба,

когда последний снег
покачивал монисто
крылаток, и звенел
им клён ясенелистный.

Воспетую весну,
хребет сухой и ломкий,
как на руки в лесу
тяжелого ребёнка,

прими, спеша опять
вдоль тающего парка,
рекламы *Свежий Язь*,
домой из Мегамарта.

* * *

За карниз держись-держись,
повиси, слепая жизнь,
ничего теперь не слышь,
будешь выше крыш.

Так обычно говорят,
если не растаял яд,
что ж, Сулейма-сулема,
ты была права.

* * *

Освещён наполовину,
мост горит, дорога вьётся,
город спрашивает зиму:
– Солнце, ты еще вернёшься?
– Я в пути, мой тёмно-синий
сумрак морока находок,
возвращений наудачу,
остовов пропавших лодок.

Как игрушечные клячи
тень укутанного гроба
на песке, ещё горячем,
как саму себя утроба,
я его не обнимаю,
но тебя и жизнь твою,
как любую, освещаю,
берегу и бью.

* * *

Как легко свеча колышет
воздух временем своим
и, укрытый снегом, дышит
зверь, что спит, уже любим,

так, теряя ежечасно
восемь жизней за игру,
я огонь бесстыдный счастья
в тридевятую беру.

* * *

Я теперь имею право,
прочитав у Владислава,
что на веру в крик «Земля!»
не имею права я,

эту музыку с начала,
сдув со старой пыль иголки,
как тогда, тайком включая,
слушать долго-долго.

* * *

На снегу голубоватом
след лежит сквозной прорехой
в полах банного халата
на земле незагорелой.

Так взамен себя увидишь,
подышав на лёд намёрзший,
в темноте, куда не выйдешь,
воду, дерево и звёзды.

* * *

Сколько в мире городов,
и Таврида, и Ростов,
и, широк и завершён,
где Азов впадает в Дон,

сколько в сети разных рыб,
и ставрида, и балык,
и куда плывут вдвоём
баржи, полные углём,

сколько в озере воды,
лимонитовой руды –
знает каждый, кто о чём,
уходи, побудь ещё.

* * *

Сердце медленно ветшает,
песню жадную поя:
старомодными вещами,
как мешок, набито я.

Хороша была обнова,
и желание внутри
оказалось лишь одно, а
мне казалось – три.

* * *

Новогодние игрушки,
и кастрюли, и подушки,
и рейтузы, и пальто –
всё осталось в доме том.

Только тени, мои тени,
отражения мои,
не любили, не хотели,
и ушли. Ушли, ушли.

* * *

Всё друг другу лгут
вымысел и ад.
Время, где живут,
заживо едят.

Что переживу,
то не оживить.
Спину бы ему
пулей накормить,

старому врагу,
счётчику минут:
я не добегу –
дни не добегут.

* * *

Восстанавливает март
чертежи полётных карт,
пожелтевших шорох дней
делает слышней.

И сильней кора горчит
у цветущей алычи.
И сухие листья хны
наново нежны.

Но весне не по плечам,
насыщая солончак
кровью паводковых вод,
уничтожить лёд.

Как находит звук тростник,
свет крадётся сквозь ледник,
выбирая между зол:
озеро и соль.

* * *

Я жила напротив дома
капитана Иванова
и холодной, как апрель,
Ивановой Габриэль.

Я жила напротив церквы,
где венчался Пётр Первый,
и её колокола
зазывали в синема.

И на улице Литейной,
и на улице Смертельной.
А теперь, мой дорогой,
я живу вниз головой.

Я на улице Высокой,
ты на улице Жестокой
и на улице Мясной,
хочешь быть со мной?

28 января

Ты вернёшься, спору нет,
в недождавшийся рассвет,
будешь все четыре дня
жить до февраля.

Утром снег пойдет опять,
будешь им летать.
Лето, полное морей,
дирижаблей.

* * *

Прячась в тёмную берлогу
рукава пальто,
ты беги, рука-дорога,
угадавши, кто.

Этот город в январе, ты
город золотой,
розовеющий рассветный
Квинс полупустой.

* * *

Докатилось колесо
до последнего и со
вчеразавтрашнего дня
на день будет у меня.

Так во сне заходишь в дом,
а хозяйка лишь потом,
…я хозяина ждала,
просто ключ подобрала.

* * *

И куда ушла зима?
Те доходные дома,
ледяные, как сама,
ты себе взяла.

У лисички лубяной,
у зайчишки ледяной.
Вышел утром погулять,
а вернулся, глядь –

адреса такого нет,
дом убит, а ты вот нет,
значит, правильно взяла
дом лиса зима.

* * *

Крутобокое такое
и зелёное такое,
как подаренное море,
далеко заводит горе.

Это дерево какое?
Это дерево любое,
легконогое, нагое,
до весны немое.

* * *

На Пятницкой, дом пять,
в пяти минутах от
того, чтобы обнять
Садовнический мост.

Как быстро под мостом
скрывается буксир.
Спроси меня о том,
о чём уже спросил.

Но в окнах мокрый снег,
и вот уже плывёт
идущий человек
в телесный угол тот.

* * *

Хорошо большой зимой
плавать рыбою живой,
стерлядью или плотвой,
всё равно ухой.

Есть ли разница, каким
ляжешь в землю: что худым,
что седым, что молодым,
всё равно живым.

* * *

Тот сон, в котором я бегу
в объятья верному врагу,
он мне напоминает
тот свет, оправдывавший быт,
что в белой комнате стоит,
и пыль в луче играет.

И снова видеть этот сон –
как с неба падающий звон,
как долго жить без солнца
и верить в смелые лучи,
которых не было почти,
но пыл их остаётся.

* * *

Ты храни меня, тоска,
до нуля по MSK,
дальше можешь не хранить,
дальше лопается нить.

Как тепло двоим на дне,
не во мне, а там во вне,
зимородок и оса
перешёптываются.

* * *

Легковесней, чем фата,
интересней, чем беда,
холоднее, чем тогда
и быстрее, чем вода

на лету сгорает день,
задевая за карниз,
на прохожих в темноте
посмотри да улыбнись.

* * *

Говори не говори,
строчка первая бормочет,
вместе с судном древоточец
натыкается на риф.

А вторая – не польсти
моему исчезновенью,
пой, влюблённое растенье,
в море, дерево, цвети.

* * *

Лиловый нос хвостом
укрыла и легла
коротеньким пластом,
как старая пчела.

И зрение её
закончилось на дне
кувшина на моём
окне.

* * *

Твоя шизофрения,
моя шизофрения
сплетаются, как пальцы,
и их уже не двадцать,
и славно по дорожке
бежать сороконожке.
И парными сердцами
обмениваемся мы,
стук стук перебивает,
такого не бывает.

* * *

Единственно чему
завидую, так морю,
и завистью живою
плачу в его казну.

И в эту кутерьму
и золота, и сланца
пыль солнечного танца
бросаю и плыву.

* * *

Кто спит на этом стоптанном ковре,
кто пишет продолженье слова *твой,*
кто набело чернеющей земле
запомнится вернувшейся зимой,

какою будет жимолость и дня
какого никогда не повторить,
где я люблю тебя, люблю тебя
любить.

* * *

Больше беременной любя
плод своего зла,
не возвращайся – я тебя
первая предала.

Вспомни авгура: в его руке
свет потечёт в реке
по отражению в потолке,
снеге и молоке.

* * *

Свет кончится, как миф,
как шаг к перилам тем,
где корчится двойник,
смотри, остался день.

Из рук или из век,
мотая головой,
он выпадет из тех
и из других, живой.

И горем не умыть
показанное им –
ни вспомнить, ни забыть –
лишь только им самим.

* * *

Снег начинается изнутри.
С кожи снимает грим,
что деревянные журавли,
кланяясь до земли,

ветер, и белый его рукав
щедр и чуть-чуть лукав.
И, как рука отбивает мяч,
чтобы летел, горяч,

так, обнимая, прицелится
в горло метелица,
сгинь, превращение, ночь, прочти
заговор, вот очки.

* * *

...в каком раю, в аду каком.
В. Х.

Уходила, возвращалась,
набело прощалась.
Что бы с ней ни приключалось,
я не огорчалась.

И в плечах немного жала
старая пижама.
До вагона провожала,
за руку держала.

Дорогая, догорая
до исчезновенья,
от снесённого сарая
принимай поленья

в это пламя, над которым,
горяча от плача,
шла небесным коридором,
ничего не знача.

* * *

Город, раскалённый непроизошедшим,
шмель, не поглощённый деревом расцветшим,
над рекой, однажды слившейся с домами,
кроны непокрытыми качают головами.

Океан на город шторм надел, как шапку,
дерево не жалко, город очень жалко –
целиком в ладони, как скорлупка-мячик:
то им поиграет, то возьмёт и спрячет.

* * *

К дереву спиной,
повторяй за мной,
слушай, как шумит
озеро и лифт,

как в воде молчит,
кто всегда молчит,
как по мне плывёт
то, чему я мёд.

* * *

Кольцо наоборот:
открытый раны рот
и не зарытый ров
ворот.

Постой, идёт трамвай,
по льду идёт Нева,
из пальца кровь идёт,
стоп, ход.

* * *

И у тебя сегодня ночь,
и у тебя сегодня тень
растущего вина, и дерево
не вверх, а прочь.

Ветвей наклон, и упадёт,
сосредоточено на том,
что, не распылено планктоном,
не дух, но плот.

* * *

На цыпочках, где рябь,
увидела моря.
Вот правая клешня
ничья.

Вот розовый, как плоть,
разбитый перламутр
и белая щепоть
фигур.

Вот жёлоб, чтобы класть
нарубленный тростник.
Вот пальмы, чтоб махать
за них:

вот лопасти и соль,
вращающийся свет
полос наискосок,
их нет.

* * *

Мы едем по Москве,
вернее, мы стоим,
как выдохнутый свет
в ладонях не своих.

Как сделанный глоток,
как высохшая грязь,
которую никто
не чувствует, берясь.

* * *

Какое облако над ним
прошло, как вывихнутый дым,
насажено на плечи яхт,
стоит в дверях

машины, едущей с горы
и огибающей дары
извилин старых берегов,
как ноги горб.

* * *

Два ангела слетают со стропил.
В том ужасе, который я любил,
в том облаке, в котором оставался
вчерашний сон, к которому я крался –

и если сердце не разорвалось,
то разорвётся здесь, тогда, в начале,
любовь и человек, судьба и злость,
соль солнца, ветер, мнимые печали.

* * *

Жизнь ложится в первый снег.
Из-под вывернутых век
в нише льда или стекла
звон: легла.

Тёплым перистым фронтам
погрозит: не дам.
Рекам и сердцам – остыть.
Ножны скрыть.

* * *

Вот книга, где моя
судьба, её герой
проходит, не боясь,
за мной.

За мной стоит, а тень
бросает на неё
там, в белой высоте,
полёт.

* * *

в лодке пойманной внаём
мы плывём плывём
в лодке с выбеленным дном
мы поём поём

в лодке маленькой как дом
и большой как дом
с занавешенным окном
и моим лицом

* * *

Внимая на вершине
одной из Аппалач
трепещущей холстине,
дрожь стекол, ветра плач

узнает не готовый
встревоживаться слух,
а крик чужой: я дома?
в аду? – одно из двух, –

сквозь хобот пуповины
срастается с моей
утробой горловина,
которой нет немей.

* * *

С московским временем в руке,
кружа над JFK,
о возвращённом лепестке,
о новом налегке,
о белом сахаре воды,
об айсбергах в заре,
пусть не останутся следы
на ощетиненном крыле,
на левом рукаве.

* * *

Зуб выпал, рана зажила,
сгорело дерево дотла,
вы, корабельные дрова,
не увидали острова:

по яростной огня реке,
по обезболенной щеке
тягучий всполох языка,
как выдернутая чека.

1

До земли на волосок,
на шматок, на шаг.
Через сад наискосок,
через мат и шах.

Как сорока, черно-бел
на груди двора.
Сердце тукает тебе:
дожита игра.

2

Две сороки из окна
в половине сна.
Из восточного одна,
в западном одна.

Серым их мышонком смерть
будет отвлекать,
кошка, тёмная, как жердь,
молоко лакать.

Вот и слепнущий рассвет
над одной страной,
ближний ультрафиолет,
первый перегной.

* * *

Тронешь белые ступени,
не заметив ранки.
Прилетели свиристели,
розовые лапки.

Нет ли дерева, на море
чтобы расцветало?
Нет ли пения о боли,
чтоб её не стало?

Только тающий, парящий,
будто паутинка,
ледяной и настоящий
голос-невидимка.

* * *

Если любовь не имеет дна,
если она сплошна,
пусть продолжаются имена
той стороны сна.

Так обнимают жену и в дом
входят, заколотив
двери, которые потом
будет не найти.

* * *

Море, открытое, как письмо,
снова его спасло,
зеленоватое, стекло
тёплой водой: прошло.

Вот и беги, как дорога, вдаль,
по городам, вдоль
гор, к неисхоженным берегам,
где на одном дом.

* * *

И море верное горчит,
в горячей паутине дней
и ты свободней и слабей
судьбы, плетущейся за ней,
ладони выгнув словно щит
и одновременно как горсть,
чтоб всё, что снова родилось,
легло в него, как эта гроздь.

* * *

Он ли помнит обо всём,
молодая ли улыбка
останавливает кровь
тьмой ночного Петербурга,
у знакомого проулка
встанем и произнесём:
это старая волынка,
узнаю её по куртке,
полосованной дождём.
Пальцам холодно: любовь,
эта малая ордынка,
в них, остывшее тавро.

* * *

Жёлтый, старый лист летит,
непрочитанный петит,
неотправленный конверт
поднимает ветер вверх.

Адреса такого нет,
дом убит, осенний свет,
равнодушен и высок,
дому выстрелит в висок.

* * *

Молчи, потерянная ночь, как фотоплёнка,
ладонь холодная упавшего ребёнка,
сбылось и тут же при падении забылось,
всё изменилось, ничего не изменилось.

Одно дыхание, ветвящееся ровно,
и кровь, другая, но не пахнущая ново,
сквозняк и небо, темнота, шаги и шорох,
всё, кроме речи, кроме слов закрытых створок.

* * *

Ты ребёнок в алых яблоках,
в темноте нагое дерево,
то разорванность молчания,
то вечерний холод памяти,
то огней ночных созвездие,
поднимающихся лестницей
к облакам, луне и солнышку:
ты ребёнок в алых яблоках.

* * *

В этой ночи черноту
на плаву и на лету
не спеши, не торопись:
вниз как вверх и верх как низ.

Вниз река течёт слоями,
вверх под ней течёт земля,
где нутра ночного клеть,
где рассвету пламенеть.

* * *

Никогда так никогда.
Пусть останется вода
ночевать под сводом трав.
Ты неправ и ты не прав.

Ловит папоротник свет.
Ты увидишь новый след.
Уходя так уходя.
Дном дождя, полой дождя.

* * *

Невзначаем апельсинным,
мёдом липовомалинным,
сердце падает, кружась,
с ложки, с кончика ножа.

У болезни серый шарф,
жара ласковая ржа,
и глотается с трудом,
словно пьёшь сквозь ком.

* * *

В этих странах иностранных
то сирена заорёт,
то поставит натюрморт
осень в воздухе туманном.

Мельтешенье лёгких брызг
над проспектом, над рекою –
что дыханья перебои
заглядевшегося вниз.

Возникает темнота,
ослеплённый наблюдатель,
как забывчивый читатель,
смотрит с первого листа.

* * *

С Воробьёвых лёгких гор
ты уехал в Лондон-дон,
так в закрытую ладонь
прячет краденое вор.

Попрощаемся тогда,
словно ты не улетал,
просто камушек упал
с невысокого моста.

* * *

Мир, что цветёт за её спиной,
он отделён стеной
от выгибающихся волной
гор – не ходи за мной.

В нём переломаны облака,
розовые бока,
что приплывают издалека,
чтобы сказать пока.

* * *

Какой бы ты была,
когда бы не любила,
когда бы не гнала
тебя тугая сила,
которой отдала,
что ныне позабыла,
что знала и звала,
ждала и вновь разбила.

От нового кино,
вина другого, что ли,
дрожит моё окно,
от ветра ли, от воли,
и помнится одно:
мы спорили, а боли –
ей было всё равно,
кто выиграет в споре.

* * *

По реке идут дома,
отражение – вдова,
у неё ни ног, ни рук,
у неё ушёл супруг.

Он плывёт, дыша водой,
над гилеей золотой,
сквозь летучие пески,
дирижабль её тоски.

* * *

Где я, где я? Рядом, рядом,
в темноте, обнявшей адом,
в полуверии, объятом
полумраком перенятым.

Ничего не изменяя,
ты дотронешься до рая,
до дверной прекрасной ручки,
до крючков, точнее, крючьев.

* * *

Не голова над головой,
а щёчка правая луны,
мы возвращаемся домой
из гор зелёных глубины.

Закат ласкает воздух сном,
и солнце тихое ему,
прощаясь, говорит: потом,
теперь – остаться одному.

* * *

Пожми плечами и
забудь, как забывала,
последние огни
пусть светят из провала.

Так падает вода,
кромсающая камни,
и белая слюда
быстрее вертикали.

* * *

Для чего на белом шаре,
на зелёном свете то,
что тревожит и мешает,
жёрнов или решето.

Чтобы пойманное слово,
очертания дробя,
сберегло очередного
разлюбившего тебя.

* * *

И душа тебе мала,
велика была,
не жалела, не звала,
не доберегла.

Посмотри, на сколько лет
и на сколько сил
ты разламываешь свет,
чтобы он светил.

* * *

Останавливается,
вот уже остановился,
на две части разломился
не Кощеева яйца

мост, отчётливее черт
и отчётливее ночи,
той, что не печали прочит,
что прочитана – зачем?

* * *

Голубое и оран-
жевое и голубое
не останутся с тобою,
пленники оконных рам.

Для кого оно живёт,
сердце вырастет, узнает,
голубое что скрывает
и оранжевое лжёт.

* * *

Как прошёл бесшумно кот,
ночь сдаётся и проходит.
Дети вырастут, и вот
возвращенье происходит:

дети, те, что наверху,
зачирикали-проснулись,
белым утром бултыхнулись
маслом в чёрную уху.

* * *

Полузакрыв, поёт, вдвоём
с избранником невероятным,
восходят солнечные пятна
перед глазами, но плывёт,

и в воду погрузить ладонь,
как в темноте коснуться пуха,
как петь, совсем не слыша звука,
не поглощённого водой.

* * *

Не всё тебе, не ненавидь,
она обоих уничтожит,
и неба розовую кожу
в асфальт, сгорая, превратит.

И в исчезающие дни,
чей воздух непередаваем,
река уходит, как живая,
уже вольфрамовая нить.

* * *

Эхо говорит:
я тебя запомню,
нравится, бери
(здесь недалеко мне)

город, где меня,
радуясь, любила,
не было ни дня,
чтобы я в нём было.

* * *

С высоты огни машин
сквозь ночного сада ветки
как мигание гирлянд
тёмной ёлки новогодней.

И сияет на стволе
свет далёкий, белый, долгий,
как легонечко иголкой,
как ответ, ну да, ответ.

* * *

Кориандр и карамель,
разлучившаяся дружба,
я к тебе неравнодушна,
карандаш и акварель.

Уплывает, уплывёт,
уголёк внутри растает,
по воде горизонтальной,
пена, грифель, пешеход.

* * *

Под нами не дрожит метро,
земли тяжелое нутро
не раскрывается наружу,
а раскрывается печаль
и опускается на душу.

Накину плащ на рукава,
чтоб не кружилась голова,
где мы стоим на тротуаре
среди огней и темноты
и замираем, как в кошмаре.

* * *

Ой ты, горе воробьёво,
высоко и горько,
на душе тепло и клёво,
на газете трёхрублёвой
луковая корка.

Ой вы, сани мои, сани,
развалюхи-доски
с кучерявыми носами,
что картошины, с глазами,
досыта и жёстко.

* * *

Сыплется в окна, рябые от сигарет,
твой моросящий свет,
белый корабль под бермудским флагом
в серой реке разворачивается к причалу,
вспенивши воду, жёлтые лодки мчатся.
Мост твой – гамак, стальные опоры – сосны,
раскрывает в них глаз свой солнце
каждое утро, веря ему, как благу.

* * *

Все эти города
и до, и после смерти
обманывают нас,
обгладывают наст.

Пытается вода,
окутанная снегом,
дышать который раз,
как повелел горазд.

Всю жизнь бы провести,
прощаясь и прощая,
по горкам ледяным
взлетая и шепча: я

вернусь, пока грусти,
как время, истончаясь,
как маятник, качаясь,
проснувшийся иным.

* * *

Темнеет в сердце, сон, ведущий
ложь, как осколок, так светло,
ты в щёку стукнувшийся шмель,
вмурованные в город камни,
душа, изъеденная злом,
потери, головы желаний,
дари, холодная река,
был белым, молодым, склонённым.

* * *

Три голубя на ветреном полу,
на медленном асфальте и на плитах,
из лужи кошка воду пьёт в аду,
и рыжая огромная собака,
иду-иду, иду, в бреду беду
и плаваю, руками спотыкаясь,
и падаю в летающем углу,
не просыпаясь.

* * *

Вот пошевелился,
вот остановился.
Твой ребёнок снился,
что уже родился.

Говорю, согрейся,
говорю, подвинься.
Бейся, сердце, бейся.
Лейся, опрокинься.

* * *

И к лицу, и от лица –
никому: меня не будет –
эти траурные будни
исчезают до конца.

Как найти его? На том
дне, там плавающий тополь,
отделяющий листок от
календарика, на стол

окунает головой
вниз, как пойманную пару
рыб, и – перпендикулярно –
опускается домой.